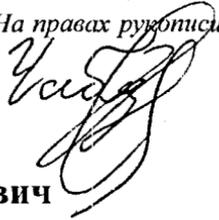


*На правах рукописи*



**ЧАБЛИН Антон Борисович**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ  
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ  
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата политических наук



**4847350**

**19 МАЙ 2011**

Ставрополь – 2011

Диссертационная работа выполнена на кафедре политологии и социологии  
ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

**Научный руководитель:** доктор философских наук, профессор  
Гриценко Галина Дмитриевна

**Официальные оппоненты:** доктор политических наук, профессор  
Савва Михаил Валентинович

кандидат политических наук  
Зимин Антон Евгеньевич

**Ведущая организация:** Северо-Кавказский институт – филиал  
Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при  
Президенте Российской Федерации  
(РАНХиГС)

Защита состоится 28 мая 2011 года в 11.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.256.06 при Ставропольском государственном университете по адресу: 355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп. 1-а, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Ставропольского государственного университета.

Автореферат разослан «25» апреля 2011 г.

Ученый секретарь  
совета по защите докторских  
и кандидатских диссертаций



Гундарь О.Н.

## **I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ**

**Актуальность темы исследования.** Ускорение и усложнение социально-политических процессов в современном обществе влечет за собой расширение сферы употребления в социогуманитарной науке субъективистского дискурса, в фокусе внимания которого находятся вопросы синтеза рациональных и иррациональных элементов ментальных феноменов: политическое сознание, символотворчество, представления, ценности, политические мифы.

Актуальность исследования вызвана конкретными историческими обстоятельствами, переживаемыми современной Россией и ставящими задачу поиска новых форм идентификации и мобилизации индивида в транзитном социуме, в число которых входит и политический миф: появляются новые политические технологии, способы воспроизводства идентичности, механизмы политической интеграции и политического контроля, наблюдается усиление в мифотворческой роли средств массовой информации, развитие новых информационных каналов коммуникации и современных сетевых систем, обслуживаемых мифотворческими практиками.

В настоящее время понятие «политический миф» активно используется представителями социогуманитарной науки, однако у него отсутствует консенсусное определение, дискуссионными остаются вопросы о функциях и роли мифа в современном политическом процессе. Многоаспектность применения данного понятия связана с операциональной привлекательностью описываемого им феномена: политический миф имеет универсальный характер, базирующийся на экзистенциальной значимости данного концепта. Политический миф является одной из форм взаимодействия субъектов политического процесса, к которой обращаются политические лидеры и политические организации России в поисках инструментов формирования позитивного имиджа и политической коммуникации. Это объясняет рост интереса к феномену политических мифов как элемента политических технологий со стороны отечественных практиков, работающих в сфере управления электоральными процессами, политического маркетинга и консалтинга, политической рекламы и PR, имиджологии.

Таким образом, заявленная проблема имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение, что и обусловило выбор темы исследования, его объекта и предмета.

**Степень научной разработанности проблемы.** Интерес к политическим мифам как к предмету научного исследования имеет длительную историю.

На политико-идеологическую функцию классических мифов указывали в античное время Платон, Аристотель, Ориген, а в Средние века – Р. Бэкон. В первой трети XVIII в. историк Дж. Вико предпринял попытку политико-социологического анализа мифов, связав форму политической организации общества с особенностями доминирующего мифического нарратива.

Термин «политические мифы» впервые использовал в конце XVIII века философ И. Буле, рассматривая их как одну из форм дофилософского сознания наряду с религиозными и моральными мифами. Начиная со второй половины XIX века интерес исследователей распространяется помимо классических (античных) также и на современные политические мифы; причем это понятие трактуется широко – как любые архаико-пралогичные образы, обеспечивающие интеграцию социальной группы. Одним из первых подобную трактовку предложил философ В. Джебурти, который оперировал термином «политическая мифология» применительно к псевдо-религиозным воззрениям европейских социалистов-утопистов.

Теоретик анархо-синдикализма Ж. Сорель видел в политических мифах объединенные в систему коллективные образы-символы, используемые этно-национальными движениями и политическими партиями для канализации иррациональной «жизненной силы» народных масс.

Впервые целостную теорию политических мифов на основе анализа идеологии национал-социализма разработал в 1930-е годы философ Э. Кассирер, рассматривавший их как искусственные семиотические конструкции, создаваемые идеократической элитой для манипулирования политическим поведением масс.

Вклад в исследование политических мифов внесли представители психоаналитической школы (Э. Лоренц, В. Райх, О. Ранк и др.), осмысливавшие их как форму символического удовлетворения бессознательных, примитивных влечений, таких как тяга к насилию.

Процессы массовизации и медиатизации общества вызвали научный интерес к феномену коллективного бессознательного, развитый учеником Фрейда – К.-Г. Юнгом и его последователями (Ф. Джеймсоном, Дж. Кэмпбеллом, Э. Нойманном, М. Элиаде и др.), которые рассматривали политические мифы как систему архетипов коллективного бессознательного, функционирующую для преодоления «ужаса перед историей».

Изучение политических мифов тоталитарных режимов осуществлялось также представителями научного направления «политической религии» Р. Ароном, Э. Вожденом, Н. Гудрик-Кларком, Р. Гриффином, Э. Джентиле и др., которые считали, что правящая элита использует в сфере публич-

ной политики эсхатологическую и сотериологическую (спасительную) риторике, заимствованную из религиозных мифов.

Расширение интереса к политическому мифу начиная со второй трети XX века инициировало исследования структурно-функциональной взаимосвязи политических мифов и политической идеологии: эта проблематика освещена в работах Р. Барта, С. Жижека, К. Кереньи, Г. Лассуэлла, Ж. Эллюля и др. Внимание аксиологической взаимосвязи политического мифа и политической утопии уделяли Э. Блох, А. Вашкун, К. Манхейм, Ю. Мольтманн, Р. Сааге и др.

Большое количество работ, посвященных сущности современных политических мифов, появилось на рубеже XX-XXI веков в американской и европейской политической науке: А. Дёрнер, Б. Линкольн, Б. Халперн, К. Флад акцентируют внимание на концептуальной близости политического и исторического мифа; Дж. Робертсон и Г. Тюдор обращают внимание на преимущественно нарративную форму политического мифа; Ч. Боттичи, М. Макгир, Б. Шаллан указывают на перформативный, императивный, характер мифического построения в публичной политике современного общества.

В XX веке исследования политических мифов велись преимущественно за рубежом. В советской научной традиции в трудах Э. Баталова, П. Гуревича, О. Феофанова и др. они рассматривались как форма «ложного» сознания, мотивированного неустраняемыми классовыми противоречиями, свойственным буржуазной идеологии.

Переоценка сущности политических мифов началась в отечественном социогуманитарном знании в постсоветский период. В трудах И. Дзялошинского, С. Кара-Мурзы, Н. Кириллова, Г. Почепцова, А. Цуладзе освещены массово-коммуникационные технологии конструирования политических мифов; Н. Косолапов, И. Малякин, В. Нечаев исследуют региональные политические мифы; В. Полосин, Н. Щербинина – место и роль героических мифообразов в современной политике; Н. Ионов, А. Кольев (Савельев), В. Шнирельман – политические мифы в этнонациональном преломлении.

Вместе с тем, за границами исследовательского интереса в настоящее время остается ряд практических аспектов формирования и функционирования политических мифов. Исследовательской проблемой является недостаточная проработанность собственно политологического подхода к анализу мифов как существенного фактора взаимодействия субъектов политической сферы применительно к российской политической практике. Изыскания в данной сфере носят преимущественно философский и культурологический характер; заимствуемый политологией из смежных

социогуманитарных дисциплин теоретический опыт анализа создания и функционирования политических мифов не содержит указаний для решения вопроса об их функции и роли в современном политическом процессе. Нуждаются в более глубокой научной проработке практические вопросы мифологизации и рационализации политического сознания, осуществляемой средствами массовой коммуникации, места и роли политических мифов как элементов политических технологий в избирательном процессе современной России.

Актуальность выбранной темы, степень ее научной разработанности и необходимость в дальнейшем исследовании проблемы обусловили выбор объекта, предмета, постановку целей и задач диссертационного исследования.

**Теоретико-методологическая основа диссертации** обусловлена междисциплинарным характером объекта исследования, поскольку проблема политических мифов рассматривается в контексте социогуманитарного знания, охватывающего политологию и смежные научные дисциплины.

Использование *структурного метода* позволило выделить основные структурные компоненты политических мифов; *типологического метода* – выявить различные функциональные типы политических мифов; *компаративного метода* – определить сходство и различие политических мифов при различных формах осуществления политической власти; *ретроспективного метода* – выделить специфичные политические мифы на различных этапах политического процесса в России; *дискурсивного метода* – обнаружить массово-коммуникационные механизмы конструирования политических мифов в избирательном процессе современной России.

Теоретическую базу диссертационного исследования образуют теория архетипов коллективного бессознательного К.-Г. Юнга и М. Элиаде, бихевиористская концепция политического мифа Г. Лассуэлла и семиотическая концепция мифа и идеологии Р. Барта, применение которых дало возможность сформулировать универсальную структурно-функциональную модель политического мифа.

**Эмпирическую основу диссертационного исследования** составляют результаты мониторинга избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы РФ (2007 г.) и Президента РФ (2008 г.), осуществлявшегося крупнейшими аналитическими центрами страны: Ассоциацией защиты прав избирателей «Голос», Ассоциацией общественных организаций «Гражданский контроль», Центром исследований политической конъюнктуры России, Национальным центром мониторинга демократических процедур, Независимым институтом выборов, Российским общественным

институтом избирательного права, Московским Центром Карнеги, Центром антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency international Russia», Центром экстремальной журналистики, Российским фондом свободных выборов, исследовательской группой «Циркон» и др.

В ходе диссертационного исследования использованы результаты анализа публикаций в печатных СМИ во время парламентской и президентской избирательных кампаний, взятых из ресурсных баз Интернет-библиотеки СМИ «Public.ru» и новостного агрегатора «Яндекс.Новости». Анализ был проведен с использованием специализированных компьютерных программ TextAnalyst v. 2.01 (разработчик – НПИЦ «Микросистемы») и PolyAnalyst v. 6.0 (разработчик – Megaputer Intelligence), в которых была реализована общепринятая технология интеллектуального анализа данных Text mining, позволяющая выявить направленность и степень семантико-дискурсивной связи между элементами текста (словами и словосочетаниями). Суммарный объем исследованного массива текстов составил около 4,4 млн. словоупотреблений (33,1 млн. печатных знаков).

В диссертации использовались результаты социологических исследований электорального поведения населения, проводившихся во время избирательных кампаний (в период с августа 2007 г. по февраль 2008 г.) Центром аналитических исследований Юрия Левады, фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и опубликованных на официальных сайтах данных социологических служб.

**Объектом исследования** является политический процесс в современном российском обществе.

**Предмет исследования** составляют структура и типы политических мифов как элементов политических технологий, используемых в современных политических процессах.

**Цель диссертационного исследования** – выявить особенности использования политических мифов в качестве элементов политических технологий при организации избирательных кампаний.

Для достижения данной цели в ходе диссертационного исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. На основе анализа теоретических концепций мифов в социогуманитарном знании уточнить структуру политического мифа.

2. Определить типы функционирования политических мифов в политическом процессе современного общества.

3. Выделить этапы политического процесса в России в контексте политических мифов.

4. Охарактеризовать политические мифы избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы РФ (декабрь 2007 г.).

5. Рассмотреть специфику политических мифов, использовавшихся в ходе кампании по выборам Президента РФ (март 2008 г.).

**Научная новизна исследования** состоит в следующих положениях:

– уточнена структура политического мифа и показано, что политический миф представляет собой совокупность трех основных компонентов: семантического, семиотического и прагматического;

– в зависимости от доминирующей политико-идеологической интенции выделены два типа функционирования политических мифов в политическом процессе: идентификационный и мобилизационный;

– выявлено пять этапов развития политических мифов в политическом процессе России: монархистский, советский, либеральный, этатистский и этатистско-либеральный;

– сделан вывод о том, что парламентская избирательная кампания 2007 г. строилась вокруг мобилизационного мифа, связанного с героическим мифообразом президента, выступавшего защитником нации от враждебных сил;

– обосновано, что президентская избирательная кампания 2008 г. строилась вокруг идентификационного мифа, связанного с героическим мифообразом преемника президента, выполнявшего цивилизирующую функцию.

**Основные положения диссертации**, выносимые на защиту:

1. Политический миф как важный элемент политических технологий состоит из трех компонентов: *семантического*, детерминирующего содержание мифа, определяя описываемые им модели отношений субъектов и объектов политического процесса и представленного архетипом и мифологемой; *семиотического*, атрибутирующего эти модели, придающего им завершенную, доступную для массового восприятия форму через политические символы, *прагматического*, обеспечивающего аксиологическое воздействие мифа на политические субъекты в политическом процессе посредством политических ритуалов и идеологем-нарративов.

2. В политическом процессе выделяется два типа функционирования политических мифов: мобилизационный и идентификационный. *Идентификационные мифы* направлены на консолидацию и формирование идентичности социальной группы через единство истории и политических целей, что проявляется мифологемой «Мы»; *мобилизационные мифы* обеспечивают консолидацию группы посредством противостояния некой внешней силе, несущей угрозу единству данной группы, что находит выражение в мифологеме «Они». Центральным элементом в мифологическом

построении в российском политическом процессе является архетип Чуда, который персонифицируется через мифологему-мифообраз Героя.

3. Развитие политических мифов в политическом процессе России характеризуется несколькими этапами. На *монархическом этапе* в развитии политических мифов доминировал идентификационный миф мессиянства русской нации, строившийся вокруг героизированного мифологемой-мифообразом православного монарха; преобладала перформативная, ритуальная форма репрезентации политических мифов. Во время *советского этапа* превалировали мобилизационные мифы, связанные с сотериологической мифологемой «народа-освободителя»; в политическом процессе в равной степени были представлены нарративная и ритуальная формы репрезентации мифов. В течение *либерального этапа* (1990-1999 гг.) преобладали идентификационные мифы, связанные с мифологемой «золотого века»; развитие массово-коммуникационных технологий обусловило превалирование нарративной формы репрезентации. На *элитистском этапе* (2000-2007 гг.) приоритетными являлись мобилизационные мифы, конструируемые вокруг героизированного мифообраза президента; доминировала в политическом процессе нарративная форма мифов. В ходе президентской избирательной кампании 2008 г. начался *элитистско-либеральный этап*, для которого присуще активное использование идентификационных мифов героя-организатора в развитой нарративной форме.

4. Во время парламентской избирательной кампании 2007 г. политический процесс был предопределен мобилизационными мифами, которые конструировались на основе героизированного мифообраза президента – национального лидера, у которого преобладала охранительная функция, связанная с защитой нации от внешних и внутренних врагов, а в более общем смысле – минимизацией угрозы десакрализационного «разрыва» исторической преемственности власти. На уровне политического нарратива героический миф нашел выражение в виде широко растиражированной идеологемы «референдума доверия президенту». В массовом восприятии персонифицированным магическим помощником мифологизированного героя являлась правящая партия, в деятельности которой преобладали признаки тотемизма.

5. Содержание политического процесса президентской избирательной кампании 2008 г. определялось идентификационными мифами, строившимися вокруг героического мифообраза преемника президента, у которого доминировали цивилизаторские функции, связанные с реализацией национальных проектов как инструмента обустройства социально-политической

реальности. Мобилизационные мифы, концентрирующиеся вокруг эвокативных мифологем «Врага» использовались представителями оппозиции. Для обеспечения политической легитимности нового президента использовалась также идеологема «преемственности», а сакральная связь между национальным лидером и президентом закреплялась через массовые ритуалы совместного почитания обеих фигур.

**Теоретическая значимость исследования** состоит в том, что положения диссертационной работы, касающиеся сущности, места и роли политических мифов в политическом процессе современности, могут быть применены для уточнения категориального аппарата политической теории, для систематизации исследований политических мифов, политического символизма, политической религии, политической идеологии. Полученные результаты комплексного исследования мифологических технологий в избирательном процессе могут использоваться при дальнейшей научной разработке теоретико-методологических основ политической коммуникативистики и политической психологии.

**Практическая значимость исследования** заключается в том, что основные положения и выводы диссертации могут быть использованы журналистами, политическими деятелями, политическими консультантами, пропагандистами и имиджмейкерами в их профессиональной деятельности, связанной с анализом динамики избирательных процессов и разработкой эффективных инструментов политической коммуникации и политического контроля.

Результаты диссертационного исследования могут применяться в педагогической практике при подготовке лекций, спецкурсов и семинаров, при самостоятельной работе студентов-политологов по написанию курсовых и дипломных работ по следующим дисциплинам: «Политическая коммуникация», «Политический менеджмент», «Теория политической культуры», «Теории политического лидерства», «Современная политическая мифология», «Избирательные технологии» и другим направлениям социогуманитарного профиля, где затрагиваются проблемы властеотношений в современном обществе.

**Апробация исследования.** Диссертация прошла обсуждение на кафедре политологии и социологии Ставропольского государственного университета и рекомендована к защите по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

Основные положения диссертационного исследования представлены в тезисах и докладах на следующих конференциях и семинарах: III Всероссийская научно-практическая конференция «Журналистика, реклама и связи с общественностью: новые подходы» (г. Воронеж, 2006 г.); 51-я научно-

методическая конференция «Университетская наука – региону» (г. Ставрополь, 2006 г.); III Международная научно-практическая конференция «Информационное поле современной России: практики и эффекты», секция «Современная журналистика: бизнес, политика, просвещение» (г. Казань, 2006 г.); XII Международная научно-практическая конференция «Валихановские чтения», секция «Политология» (Казахстан, г. Кокшетау, 2007 г.); Международная научно-практическая конференция «Журналистика и журналистское образование в современном мире: идеи, концепции, технологии» (г. Рязань, 2007 г.); 53-я научно-методическая конференция «Университетская наука – региону», секция «Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания» (г. Ставрополь, 2008 г.); IV Международная научно-практическая конференция «Модернизационный потенциал российской экономики и общества», секция «Культурные аспекты и духовные ценности модернизирующегося общества» (г. Ставрополь, 2011 г.); 56-я научно-методическая конференция «Университетская наука – региону», секция «Модернизационный проект современной России: проблемы и перспективы» (г. Ставрополь, 2011 г.).

Положения и выводы исследования отражены в 13 публикациях общим объемом 6,1 п.л., в том числе одна статья опубликована в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендуемом Высшей аттестационной комиссией РФ.

**Объем и структура работы.** Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на 5 параграфов, заключения, библиографического списка из 339 источников на русском и иностранных языках, и приложений – графиков и таблиц. Общий объем текста диссертационной работы составляет 283 машинописные страницы.

## II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Во введении** обоснована актуальность темы, определена степень разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи исследования, его новизна, обозначены теоретико-методологические основы диссертации, определены положения, выносимые на защиту, выявлены теоретическая и практическая значимость работы, описана ее апробация.

**В первой главе «Теоретико-методологические основы анализа политических мифов»,** содержащем три параграфа, рассматриваются политологические основы исследования, в том числе анализируются и систематизируются научные сведения относительно генезиса, структурных особенностей

политических мифов и механизмов их функционирования в политическом процессе в ретроспективе и современности.

В первом параграфе первой главы «**Политический миф как категория социогуманитарного знания**» отмечается, что на протяжении XX столетия представителями различных отраслей социогуманитарного знания было предложено большое количество развернутых дефиниций политического мифа. Западные исследователи (в частности, М. Беври, А. Дёрнер, Б. Линкольн, К. Флад и др.) традиционно подчеркивают нарративный характер политического мифа, в то время как в отечественной науке, многое воспринявшей из советской антропологии, основывающейся на принципах марксизма, традиционно акцентируется внимание на перформативном характере политических мифов (работы Т. Корниенко, И. Шестова, А. Цуладзе и др.).

Ряд исследователей указывают на концептуальную близость политического и исторического мифов. В частности, по мнению Р. Слоткина, современные политические мифы возникают в результате переосмысления конкретных исторических фактов, которые на протяжении нескольких поколений подвергаются метафоризации на основе общих архетипических паттернов Роста и Упадка, Спасения и Проклятия, Смерти и Перерождения.

В соответствии с теорией генезиса мифов в современной культуре и политике неоянгианца М. Элиаде, миф является повествованием о некоем архетипическом событии, имеющем символическое значение, указывающем на необходимость его копирования в ритуальном акте и убеждающем в реальности этого события путем эмоционального переживания от повторения ритуала.

Бихевиористы Г. Лассуэлл и А. Каплан, исследуя взаимосвязь компонентов политического сознания, выделяли в политическом мифе три концептуальных уровня. Политическая доктрина обеспечивает доверие политического человека к власти на рациональном уровне и формализованную в виде законодательных постулатов. Политическая формула в модели властеотношений, концептуально описываемой политической доктриной, определяет конкретное распределение политических полномочий между отдельными институтами. Политическая миранда находит выражение в семиотически богатых нарративных формах, оперирующих магическими образами Героев, Злодеев, Врагов, необходимых для обеспечения иррациональной веры масс конкретным политическим лидерам. Все три компонента политического мифа нерасчленимы и формируют единый образно-символьный паттерн, тиражирование которого осуществляется массово-коммуникационными инструментами.

В соответствие со сформулированной в рамках диссертационного исследования практической моделью политического мифа, развивающей концептуальные положения теории Лассуэлла-Каплана, идеолого-доктринальный уровень мифа является первичным, базовым. В предложенной модели это *семантический компонент* политического мифа, детерминирующий его содержание, организующий множественность описываемых им субъектов (акторов) и объектов политического процесса через типовые образные модели властеотношений. Это своего рода «план содержания» мифа, представленный лишенными конкретной сюжетной составляющей схемами поведения и интеракций – *архетипами* – и надстроеными над ними вербализованными и невербализованными примитивными, бессюжетными образами – *мифологемами*.

*Семiotический компонент* политического мифа атрибутирует отношения политических субъектов и объектов в политическом процессе (властеотношения), придавая первичным семантическим элементам «плана содержания» завершенную, доступную для восприятия форму. Это «план выражения» политического мифа, представленный *политическими символами*, выступающими в качестве эпистемологического инструмента соотнесения модельных ситуаций, описываемых архетипами и мифологемами, с реальными политическими феноменами и акторами. В современной политике политическими символами преимущественно являются языковые конструкты, примерами которых являются общеупотребительные политические понятия («права человека», «свобода», «демократия»); дефиниции политических институтов и движений, коннотация которых зависит от господствующей в данный период формы властеотношений («КГБ», «Верховный суд», «президентство»); понятия, связанные с конкретными политическими событиями («конец войны», «занятость», «администрация Буша»).

*Прагматический компонент* политического мифа обеспечивает реализацию его императивно-эвокативной функции через воздействие на деятельность политических акторов в политическом процессе. Как формы репрезентации политического мифа концептуально схожи политический нарратив (идеологема) и политический ритуал, которые в различной форме воспроизводят семантическую основу мифа, обеспечивая установление и поддержание социального порядка. *Идеологема* в качестве прагматического компонента политического мифа обеспечивает аксиологическую взаимосвязь в политическом процессе мифа и политической идеологии как элементов политического сознания, а *политический ритуал* – взаимодействии политического мифа и политического поведения.

Таким образом, политический миф – это одновременно и форма преобразования поступающей индивиду политической информации, и инструмент порождения и преобразования этой действительности, посредством которого происходит перевод образно-закодированного знания о некоем мифическом идеале в реальные поступки людей.

Во втором параграфе первой главы – «Типы функционирования политических мифов в политическом процессе современного общества» отмечается, что политические мифы действуют как нормативная система, конституирующая социально-политическую реальность и фиксирующая структурные принципы и черты политической действительности.

В соответствии с представлениями Г. Блумера и философа Р. Керни, исследовавших мифическое сознание, в зависимости от доминирующей политико-идеологической интенции целесообразно выделять два основных типа функционирования политических мифов в политическом процессе – идентификационный и мобилизационный. *Идентификационные мифы* детерминированы мифологемой-мифообразом «Мы», строящемся посредством переинтерпретации общности генезиса (образа прошлого) и политических целей (образа будущего) социальной группы через утопические мифомотивы «Золотого века». Использование идентификационных мифов как элементов политических технологий требует реконструкции идеальной социально-исторической модели или ценностной среды, что проявляется, в частности, этноцентрическими представлениями об «Американской мечте», «обществе развитого социализма» или «арийской расе». *Мобилизационные мифы* находят отражение в мифообразе «Они», персонализирующем некую угрозу для целостности и комфортности существования сообщества, идентифицирующего себя как «Мы». Применение мобилизационных мифов в качестве элементов политических технологий сопряжено с культивированием образа внутреннего и внешнего врага, что на современном этапе зачастую проявляется в политическом процессе мифомотивами Заговора (*конспирологические мифы*).

Взаимообусловленность идентификационной и мобилизационной функций политического мифа обеспечивается через бинарные архетипы политического сознания: «Хаос – Порядок», «Жизнь – Смерть», «Добро – Зло», «Могущество – Слабость», «Свой – Чужой». Медиаторным элементом, служащим для преодоления эпистемологических противоречий, заложенных в этих бинарных архетипах, является архетип Чуда, который персонализируется через мифологему-мифообраз *Героя*.

На основе исследований героических мифов в архаической и современной культуре и политике неоюнгист Дж. Кэмпбелл пришел к выводу,

что они репрезентируются через повествование-нарратив (*мономиф*) о героическом путешествии из обыденного в потусторонний мир за неким сакральным «даром», в ходе которого герой, переживая ряд испытаний, проходит процесс инициации и приобретает тотемического защитника. Кэмпбелл выделял несколько ипостасей героя, которые проявляются в его мифообразе на различных этапах развертывания мономифа: самыми распространенными являются образ героя-воина – защитника группы от враждебных сил, пытающихся уничтожить созданный им миропорядок (*мобилизационный миф*) и героя-императора – организатора и обустроителя жизненного пространства своей социальной группы (*идентификационный миф*).

Коммуникативист И. Дзялошинский со схожих позиций рассматривал политический нарратив в избирательном процессе современной России: в ходе выборов герой (политический лидер) также проходит основные этапы путешествия-мономифа – совершает подвиги, под магическим покровительством тотемического защитника побеждая inferнальные силы (коррупцию, криминал, оппозицию), приносит народу сакральный дар (реформы либо обеспечение преемственности одобряемого политического курса), после чего удаляется на покой – но обязательно вернется, если в нем будет снова нуждаться народ.

Исследователь Н. Щербинина связывает героический мифообраз с архетипом Власти, который образно репрезентует политический процесс как неотвратимую смену моделей властеотношений и, тем самым, играет конститутивную роль для легитимации политической реальности, создаваемой каждым последующим политическим лидером, приходящим к власти. Этим, по мнению Щербининой, обусловлена значимость для российского политического сознания героического нарратива, имеющего ярко выраженные магиико-метафорические черты.

В заключении было подчеркнуто, что политический миф, не имея собственной субстанциональной основы, черпает свой сущностный потенциал из архетипической биполярности человеческих взаимоотношений и оценок, являясь инструментом ассоциации и интеграции «друзей/своих» и артикуляцией и последующего отражения возможной угрозы со стороны «врагов/чужих».

**В третьем параграфе первой главы – «*Политические мифы на различных этапах политического процесса в России*» обосновано выделение пяти этапов в развитии политических мифов в политическом процессе России: монархистского, советского, либерального, этатистского и этатистско-либерального.**

На *монархическом этапе* доминировал идентификационный миф мессианства русской нации, строившийся вокруг героической мифологемы-мифообраза православного монарха-спасителя. В частности, император

Николай I активно реализовывал через политическую символику и церемониалы мифологему «Божественного Промысла» российской монархии, разгромившей всеевропейского завоевателя Наполеона. Героическая мифологема была рационализирована через идеологему «официальной народности» («православная вера, самодержавие, народность»). В этой доктрине впервые в отечественном социогуманитарном знании русская нация рассматривалась не с этно-национальных, а с гражданских позиций – как надэтническое сообщество, члены которого объединены чувством соборности, долготерпения и безграничной преданности обожествленному монарху.

Во время *советского этапа* преобладали мобилизационные мифы, связанные с сотериологической мифологемой «народа-освободителя». Ключевым событием для создания политических мифов явились Октябрьский переворот (которая в системе политических текстов коммунизма интерпретировалась как обуздание враждебных сил мировой буржуазной контрреволюции, отраженное через такие идеологемы как «земшарная Республика Советов» или «мировая пролетарская революция») и вторая мировая война (победа мессианской большевистской России над inferнальным Западом, на уровне политического нарратива репрезентуемая через идеологему «Великая Отечественная война»). Советская мифология имела развитую перформативную форму, связанную с системой массовых политических ритуалов: спартакиад, праздничных демонстраций, посещений мавзолея, празднований годовщин исторических событий.

На протяжении *либерального этапа* доминировали идентификационные мифы, строящиеся на мифологеме «золотого века» и героического мифообраза президента, созидавшего новую политическую реальность – Российскую Федерацию. Мифообраз президента в данном периоде возможно рассматривать с позиций мономифа, включающего несколько этапов: бунта против закостенелой власти, страдания за народ и приношения ему сотериологического дара – ценностей либерализма и капитализма. В данный период уменьшается значимость перформативной формы политических мифов, в связи с развитием массово-коммуникационных технологий и либерализации законодательства в сфере СМИ доминирующим становится политический нарратив – развитая система политических медиатекстов.

На *элитистском этапе* наблюдается доминирование мобилизационных мифов, конструируемых вокруг героического мифообраза президента: он магически трансформирует первоначальный Хаос (состояние разрухи после «дикого капитализма») в новый социальный порядок, в политическом нарративе описываемый идеологемой «вертикаль власти». Герико-сотериологические мотивы атрибутируются политическими симво-

лами, заимствованными из дискурса экономической науки: «удвоение ВВП», «приоритетные национальные проекты», «борьба с инфляцией», «борьба с бедностью», «энергетическая сверхдержава». Активно используется мифологема Врага – внутренних и внешних сил, с которыми борется героизированный президент ради консервации созданного им миропорядка. Доминирует нарративная форма мифов, связанная с преимущественным использованием политических медиатекстов, а также значительным расширением сферы употребления интернет-коммуникаций (интернет-изданий, блогов, форумов, социальных сетей и др.).

В ходе президентского избирательного процесса 2008 г. начался новый этап исторической эволюции политических мифов – *этноистско-либеральный*. Ему присуще активное использование идентификационных мифов, базирующихся на мифообразе героя-императора, цивилизирующего созданную его политическим предшественником – героем-воином – политическую действительность России. В политическом нарративе происходит постепенный возврат к идеологемам «модернизации», характерным для либерально-демократического дискурса.

Таким образом, на различных этапах политического процесса в России детерминантами политического процесса являлись идентификационный миф мессианства российского народа и мобилизационный миф его борьбы с внешними и внутренними врагами.

Во второй главе «**Политические мифы в избирательном процессе современной России**», содержащей два параграфа, рассматриваются прикладные аспекты применения политических мифов во время «большого электорального цикла» 2007/2008 годов.

В первом параграфе второй главы – «**Политические мифы избирательной кампании по выборам в парламент РФ в декабре 2007 г.**» на основании анализа публикаций в печатных СМИ за период избирательной кампании с использованием технологии Text mining было аргументированно показано, что семиотическая компонента политических мифов данного периода была представлена устойчивым комплексом слов-понятий, тяготеющих к государственнической (державной) риторике: «Путин – президент – лидер – партия – депутат – Госдума – власть – государство – страна – Россия». То есть детерминантой при выстраивании системы политических символов в данный период является архетипический мифообраз героя-президента, который подчиняет себе не только различные политические институты (слова-символы «партии», «Госдума» в приведенном выше семиотическом ряду), но и персонифицирует саму модальность политической власти (слова-символы «власть», «страна», «государство»).

В ходе текстуального анализа выявлено наличие сильной семантико-дискурсивной связи между словообразом «Путин» и понятиями «сценарий», «поддержка», «сохранение», «курс», «преемственность», «развитие», «назначение». Вместе они формируют еще один семиотический комплекс вокруг героического мифообраза президента, интенция которого направлена на навязывание политическим акторам представления о неотвратимости делегирования власти президентом своему «преемнику». Таким образом, в массовом сознании складывается восприятие процесса передачи президентской власти как ритуального акта сакрального преемства, который не должен быть нарушен деятельностью врагов героя (отсюда появление вокруг словообраза «оппозиция» ряда символов, маркирующих ее демонизацию – «нарушение», «обвинение», «опасность»).

В целом избирательный процесс 2007 г. был детерминирован мобилизационными мифами, связанными с необходимостью нравственной консолидации общества вокруг сакральной героической фигуры президента – национального лидера. Он выступал одновременно как герой-защитник, оберегающий созданную им политическую действительность от враждебных политических сил – внутренних (оппозиция) и внешних (Запад), и как герой-император, осуществляющий цивилизаторскую функцию. В политическом нарративе это нашло выражение в широко растиражированных идеологемах «референдум доверия президенту» и «план Путина».

В частности, «план Путина» воспринимался в функциональной роли медиатора – дуалистичного элемента, совмещающих в себе профанные и сакральные черты (иерофании, по определению М. Элиаде). Это одновременно агитационно-пропагандистская брошюра и в то же время священный текст, заключающий в себе сотериологический (спасительный) дар, принесенный героем ведомой им нации.

Идентификационная мифологема «референдума доверия президенту» находила выражение преимущественно в перформативной форме через проведение различных ритуальных мероприятий – митингов, собраний, форумов сторонников, сборов подписей – целью которых было продемонстрировать массовую общественную поддержку фигуры национального лидера.

В деятельности правящей партии в период избирательной кампании выраженными стали черты тотемизма: она окончательно оформилась как жесткая, иерархическая структура, во главе которой стоит мессианский лидер. Правящая партия воспринималась политическим человеком нерасчлененным, неперсонифицируемым образом, на уровне мифологического восприятия выступая в качестве магического помощника (трикстера) героя. Эта мифологема находила выражение в массивированной наружной

рекламе, в которой позитивная работа всех уровней и ветвей власти отождествлялась с деятельностью партии, которая тем самым признавалась носителем различных цивилизующих функций – ремонта и строительства дорог и жилищных коммуникаций, строительства новых школ и детских садов. В качестве трикстеров героя-президента выступали также лидеры региональных элит, что находило отражение в следующих идеологемах: «план Путина – план Ткачева» (Краснодарский край), «план Путина – план Каноква» (Кабардино-Балкария), «план Путина – план Росселя» (Свердловская область), «план Путина – программа Дарькина» (Приморский край) и т.д.

В заключении подчеркивается, что использование политических мифов как элемента политических технологий во время президентской избирательной кампании обеспечивало механизм повышения явки, демонстрирующей готовность общества не только пассивно принимать общенациональные интересы, носителем которых являлся героизированный президент, но и активно защищать их.

Во втором параграфе третьей главы – «**Политические мифы избирательной кампании по выборам Президента РФ в марте 2008 г.**» отмечается, что к старту избирательной кампании мифообраз основного кандидата – действующего вице-преьера – был наделен героическими чертами. Курируемые им национальные проекты охватывали все основные цивилизующие функции культурного героя, известных еще из классической, античной, мифологии:

1) участие в мироустройстве и формировании местообитания своего общества (нацпроект «Дешевое и комфортное жилье – гражданам России»),

2) создание для членов своей общности различных предметов культуры, научение их обрядам и празднествам и создание магических предписаний (нацпроект «Образование»),

3) научение земледелию (нацпроект «Развитие АПК»),

4) научение врачеванию (нацпроект «Здравоохранение»).

В ходе диссертационного исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ процессов конструирования политических мифов как элементов политических технологий в ходе президентской избирательной кампании, методика которой аналогична использованной в предыдущем параграфе при анализе парламентских выборов. Выявлено, что семиотическая компонента политических мифов президентской избирательной кампании была представлена устойчивым комплексом слов-понятий, тяготеющих к государственническому дискурсу: «Путин – Медведев – президент – вице-премьер – лидер – государство – страна – Россия».

Обратило на себя внимание то, что в дискурсе президентской кампании имеют незначительную значимость слова-символы «преемнику» и «ста-

бильность», которые широко использовались во время парламентских выборов. Кроме того, в семантико-дискурсивном поле вокруг понятия «оппозиция» отсутствовали имеющие явно негативную коннотацию слова-символы. Схожая ситуация наблюдалась и с предвыборными мифообразами основных представителей «несистемной» оппозиции, которые не подвергались на уровне политического нарратива столь же выраженной негативизации и демонизации, как во время парламентской кампании.

Данные особенности политических мифов президентской избирательной кампании объясняются, на наш взгляд, уменьшением необходимости электоральной мобилизации (что и повлекло прекращение трансляции в массовое сознание мобилизационных идеологем, ранее, в ходе парламентской кампании, реализуемых за счет активного культивирования мифологемы Врага).

В мифологической трактовке вице-премьер является преемником героя-президента, продолжающим его цивилизирующую деятельность по обустройству жизненного пространства нации (впоследствии это нашло выражение в идеологеме «модернизации») и со значительно менее выраженной защитно-охранительной функцией. Для легитимации бывшего президента в новом формально-правовом статусе премьер-министром использовалась идеологема «национального лидера» – харизматического руководителя, стоящего над концептуально не самостоятельными (неперсонифицируемыми) резидентами (партиями и иными акторами публичной политики), который личной волей и авторитетом обеспечивает преемственность ранее выбранного политического курса. В деятельности национального лидера не существует ограничений, накладываемых законом или основанных на коллективной воле большинства, он аккумулирует внерациональную утопическую энергию масс, канализируя ее в образе «нового мира», «новой жизни» (с этим связано активное использование в ходе агитации в пользу кандидата от партии власти политического символа «будущее», выраженного в идеологемах «Я голосую за будущее страны», «Будущее России», «Россия, вперед!»).

Впоследствии сформированная во время избирательной кампании сакральная (инкарнационная) связь между мифообразами национального лидера и президента закреплялась посредством различных политических ритуалов: в частности, Всероссийской акции поддержки антикризисных мер правительства, проходившей под диоскурическими (близнечными) лозунгами-идеологемами «Народ, Медведев, Путин – вместе победим» и «Медведеву, Путину верим».

Таким образом, применение политических мифов как элементов политических технологий во время президентской избирательной кампании было продиктовано уменьшением необходимости «негативной» электоральной мобилизации, что повлекло прекращение трансляции в массовое

сознание мобилизационных идеологем, и преимущественное использование идентификационных мифологем.

В заключении отражены основные выводы исследования о значимых сущностных характеристиках политических мифов в современном политическом процессе России; обусловленных героизацией мифообраза главы государства. Формулируется прогноз, согласно которому во время предстоящего «большого электорального цикла» 2011/12 гг. произойдет значительная активизация использования политических мифов как важного элемента политических технологий на фоне усиливающейся внутризелитной конкуренции за административный ресурс.

Рационализация политического сознания россиян является задачей, осуществление которой возможно при условии совместной деятельности различных институтов гражданского общества. В частности, значительную роль предстоит играть научным организациям и масс-медиа, которые имеют возможность проводить аналитическое сопоставление реальных и мнимых, мифических, характеристик политической реальности (например, реальной и декларируемой аксиологии деятельности политических акторов во время избирательных кампаний).

Полученные в ходе работы результаты могут быть использованы журналистами, коммуникативистами, политологами, специалистами по политическому PR для выработки стратегии рационализации политического сознания граждан, а также для более глубокого осмысления процессов политической коммуникации и иных явлений и процессов политической действительности современного российского общества. В дальнейшем предполагается продолжение исследования современной российской политической мифологии, особо акцентировав внимание на семиотической и прагматической составляющих политических мифов, выступающих в качестве элемента политических технологий. Кроме того, планируется более глубоко исследовать социально-психологические конструкты, лежащие в основе процессов ремифологизации политического сознания россиян в условиях продолжающегося процесса массовизации и медиатизации общества.

### **III. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

1. Чаблин А.Б. Политическая мифология постсоветской России // *Власть.* – 2009. – №8. – С. 84-86.

2. Чаблин А.Б. Демифологизация политической действительности Ставропольского края // *Университетская наука – региону: материалы 51-й научно-методической конференции.* – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – С. 137-138.

3. Чаблин А.Б. Новая региональная мифология (на примере Ставропольского края) // Журналистика, реклама и связи с общественностью: новые подходы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 120-122.

4. Чаблин А.Б. Мифологическое пространство политики Ставропольского края // Информационное поле современной России: практики и эффекты: материалы III Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во КГУ, 2006. – С. 140-143.

5. Чаблин А.Б. Политические мифы российского коммунизма // Валихановские чтения: материалы XII Международной научно-практической конференции. – В 2 т. – Т. 2. – Кокшетау: Изд-во Кокшетаусского университета, 2007. – С. 361-364.

6. Чаблин А.Б. Проблемные аспекты дефиниции понятия «политическое пространство» // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания. Университетская наука – региону: материалы 53-й научно-методической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – С. 132-140.

7. Чаблин А.Б. Мифология и политика // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. – 2008. – №3-4 (46). – С. 97-101.

8. Чаблин А.Б. Новая региональная мифология (на примере Ставропольского края) // Журналистика и журналистское образование в современном мире: идеи, концепции, технологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Рязань: Изд-во РГУ, 2009. – С. 47-49.

9. Чаблин А.Б. Генезис и сущность этнического мифа америкоцентризма // Этнические проблемы современности. – 2010. – Вып. 15. – С. 249-255.

10. Чаблин А.Б. Сакрализация и мифологизация власти: пример монархии Романовых // Модернизационный потенциал российской экономики и общества: материалы III Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во ИДНК, 2011. – Ч. 3. – С. 204-210.

11. Чаблин А.Б. Аксиологическая связь политической идеологии и мифологии в современном обществе // Модернизационный потенциал российской экономики и общества: материалы III Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во ИДНК, 2011. – Ч. 3. – С. 265-268.

12. Чаблин А.Б. Структурно-функциональные модели современного политического мифа // Российский академический журнал. – 2011. – №1. – С. 29-33.

13. Чаблин А.Б. Политическая религия как основа формирования идейно-политической идентичности // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – Вып. 20. – Ч. 1. – Ставрополь: Бюро новостей, 2011. – С. 91-93.

---

Подписано в печать 25.04.2011		
Формат 60×84 1/16	Усл.печ.л. 1,34	Уч.-изд.л. 1,26
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Заказ 424

---

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе  
Ставропольского государственного университета.  
355009, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.